

1979, 30 мая

люди искусства

МУЗЫКА СВЕТА

Е. ЛУЦКАЯ

Такой уж он художник: знаешь его работы со времен вгиковского диплома — эскизов к повести А. Грина «Бегущая по волнам», помнишь его дебюты в Москве и Новосибирске, и, собираясь смотреть очередной его спектакль, думаешь, что в общем-то не столь уж и трудно предугадать ход его мысли, типичную для него стилистику, излюбленные им сценические метафоры. Но стоит прийти в театр, и все, решительно все оказывается иным, нежели представлялось в воображении. Быть неожиданным и при всем том неизменно сохранять узнаваемость своего почерка — таков Валерий Левенталь.

Истинная высота для него — театр. И не только Большой академический, где он работает уже много лет, где удостоен звания заслуженного художника РСФСР, а и десятки иных театров, отечественных и зарубежных. Летят годы, сменяются сезоны, мелькают сцены: Вильнюс и Берлин, Варшава и Миннеаполис, Минск и Москва. А что ни год — пять-шесть спектаклей. Могла бы накопиться усталость, могли бы отформоваться штампы. Но нет, художник оригинален и нов в каждой своей работе. И сегодняшние работы Левенталья хранят в себе заряд юношеской полемичности, непосредственность взгляда на музыку или драматургию, способность каждый раз «начинать все сначала».

Спецификой своей профессии художник театра обязан, пручен соприкасаться с многоразличными периодами истории материальной культуры, истории искусства, истории цивилизаций. И исключительно способность Левенталья ценно уловить и выкристаллизовать из первоисточников то рациональное зерно, которое окажется необходимым спектаклю. Камни афинского акрополя и смутный, грозный лик фидиева Зевса — легендарная Греция героев, людей, подобных богам, в «Икаре». В «Анне Карениной» — толстовский Петербург с благоговением «бомондом», роскошно обставленными кабинетами, салонами, дворцовыми покоями. И в то же время мир без надежд, без будущего, мир, озаренный погребальным светом паровоза: мир, разъятый смятенным рассудком Анны. Серпантинные горные дороги, потухшие свежие маки, как далекая мечта — голубое озеро, где Ильясу повстречалась Аселья. Решения Левенталья вводят в самую жизнь и вместе открывают зрителю тайны сокровенных переживаний персонажей.

Его интересы — опера и драма, мюзикл и оперетта, кинофильм и балет, малые формы и монументальные спектакли. Подчас захваченные остротой, выразительностью

его решений, мы не задумываемся о принципиальной важности достижений Левенталья в той или иной сфере театра или кино. А такого рода достижениями сегодня во многом определяются тенденции и явления сценографии. Возьмем, к примеру, балет. Участие художника в поисковом процессе, в экспериментальных постановках Майи Плисецкой и Владимира Васильева, Огара Дадикшильяни и Генриха Майорова важно не только и не столько тем, что декорации к «Анне Карениной» и «Икару», к «Тилу Уленшпигелю» и «Чиполлино» красивы типичной для этого мастера красотой щедро эмоциональной, чуждой холодного рационализма, который столь часто превалирует в построениях нынешней сценографии. Достойна внимания сама пространственная изобретательность художника, не скрывающая никакими штампами. Левенталь доказал: оформлять балетный спектакль совсем не обязательно по старинке. Он доказал, что балетная сцена должна усвоить те пространственные опыты, что совершаются в наши дни на сцене драматической. Необходимо и возможно найти этим опытам свое хореографическое образное преломление.

Это его качество проявилось уже в первых работах, поставленных на сцене Новосибирского академического театра. Речь идет о балетах «Золушка» и «Ромео и Джульетта» в постановке О. Виноградова. Наличие хрестоматийно известных, теперь уже классических декораций и костюмов П. Вильяма его явно не смущало. Он по-своему увидел и услышал музыку. По-своему понял старую, как мир, сказку о вознаграждении за добро добром и по-своему открыл нам суровый и прекрасный облик раннего итальянского Возрождения. Достаточно было распахнуться занавесу, чтобы вы сразу угадали сказочный город с башенками, флюгерами, пестрыми кровлями, где живет Золушка. И столь же мгновенно могли бы вы узнать резкий и одновременно гармоничный, трагически прекрасный облик города, где встретятся и погибнут шекспировские герои. И даже если бы оркестр безмолвствовал, вы понимали бы, чувствовали, мысленно слышали бы прокофьевский оркестр — иронию и проникновенность, философичность и сарказм, причудливую и отважную остроту музыкального письма, запечатленную в самой стилистике декораций.

С тех пор в творческой биографии Левенталья накопились большие удачи, вроде «Тоски» и «Чио-Чио-сан», на сцене Большого театра. На этой сцене выстроился ряд произведений, которые принято именовать вершинными. Именно таков грандиозный и

вместе с тем классически простой облик поставленной Б. Покровским оперы «Отелло». Образовался цикл спектаклей, дышащих прелестным, звонким юмором и непридуманной насмешливостью, например, «Так поступают все женщины», опера Моцарта в постановке Н. Касаткиной и В. Васильева; Русь, воссозданная для спектаклей Покровского в Софии и в Вильнюсе: белокаменная, светоносная белизной торжествует Русь в «Князе Игоре», встает сквозь обугленные бревна раскольнического скита смятенная, грозная Русь «Хованщины». И — русская земля, поющая свою мелодию близ страшной повседневности войны: «Зори здесь тихие» К. Молчанова... Но всегда и неизменно светит художнику музыка Сергея Прокофьева. Быть может, это восхищенное пристрастие к творениям композитора, стремление дышать с его музыкой одним дыханием, проникнуть в тайны созвучий, облечь их в плоть декораций наиболее полно выдает современный по своему складу характер творчества Левенталья.

Изобразительным гимном в честь театра хочется назвать оформление поставленной на сцене берлинской «Коммисе опер» вместе с режиссером Вальтером Фельзенштейном оперы «Любовь к трем апельсинам». Обычно замаскированные рабочие «этак» сцены доверительно открыты публике: трюмы с магией неожиданных появлений, колосники с колдовством внезапных перемен, весь комплекс театральной машинерии, исконной давности техника близ чудес сегодняшней электроники. Художническая фантазия вольно парит в своей родной театральной стихии. Но и опускается на землю, она ничуть не теряет в своей полетности. Не потому ли так органично воспринимается неожиданные сочетания роскошного дворцового паркета с бивуачными композициями времен Отечественной войны 1812 года в «Войне и мире» на берлинской сцене? Этот спектакль Левенталь осуществил в содружестве со Львом Михайловым.

Попробуйте отрецензировать «Отелло» без анализа изобразительного вклада Левенталья. Попробуйте понять концепцию «Мертвых душ» Родиона Щедрина вне тех изобразительных откровений, что принес Левенталь на сцену Большого театра. Бескрайние просторы России, бесконечная, наводящая тревогу и трепет даль — они движутся, живут высоко над сценой. А внизу, на подмостках из черно-бархатного мрака с неотразимой отчетливостью возникают декорации, образованные живописью эпохи: трагические натюрморты, вариации на темы романтических жанров... Или попробуйте представить вне Левентальского решения спектакли В. Плучека — «Горе от ума», «Ревизор», «Клоп», «Женитьбу Фигаро», «Бег». В интерпретации столь популярной ныне, уже известной в множестве постановок пьесы М. Булгакова Левенталь строг, лапидарен, трагичен. Во всем, что происходит, едва ли не решающая роль отведена свету. Свет рождается в зыбком движении прозрачного облака, трепетно колышется маревом, предвещает видений и безумств Хлудова. Свет странно, лихорадочно перебегает по непроницаемо серым, с трех сторон замкнувшим сцену плоскостям, выхватывая из полумрака то громадных кукол площадного балагана, то изображения скорбящих. Свет вдруг вливается в глаза героя, разверзая перед залом состояние его души...

Пространство, цвет, свет — их драматургически сложный взаимодействием предпрешены уникальные картины эпохи, возникающие в поставленной Анатолием Эфросом в Москве и США «Женитьбе». Недалек вечер премьеры новой совместной работы двух мастеров — «Мертвые души» в Театре на Малой Бронной. А что еще мы увидим? Чеховскую «Чайку» во МХАТе и балет Р. Щедрина — М. Плисецкой в Большом. Прокофьевскую «Душеньку» в Большом и там же балет «Макбет» К. Молчанова — В. Васильева. «Бориса Годунова» в Таллине... Все, что задумано, создано, создается художником, озарено светом Театра. Светом Театра — его огней, его живой динамикой, вечно изменяющихся красок, вечно влекущих образов.

Заслуженный художник РСФСР В. Левенталь.

Фото С. Склезнева.